

ЗАШИСКИ

**ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

III

1955

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

Л. И. ДУМАН

Феодальный институт яньци в Восточном Туркестане в XVIII веке

Процесс исторического формирования социальных организмов, проходя те же стадии как на Западе, так и на Востоке, в каждой из этих частей света имеет свои особенности, привлекающие внимание специалиста-историка. Если мы возьмем область аграрных отношений, играющих решающую роль при феодальной общественно-экономической формации, то и здесь — ряд специфических условий социально-экономической жизни Востока наложил свой отпечаток, в результате чего мы сталкиваемся с некоторыми феодальными институтами, напоминающими нам европейские, но имеющими свою «восточную» специфику.

Одним из таких институтов является институт «яньци», с которым мы сталкиваемся в Синьцзяне в XVIII в. Этот институт по форме напоминает крепостничество, но подлинная сущность его, к сожалению, не вскрывается китайскими источниками. Однако даже те сведения, которые нами почерпнуты у китайских авторов XVIII в., представляют, на наш взгляд, немалый интерес в социально-историческом отношении и толкают нас на опубликование крайне неполных материалов.

Основной формой присвоения прибавочного продукта крестьянских масс феодалами-землевладельцами в Восточном Туркестане являлась рента продуктами, натуральная рента. Однако эта форма эксплуатации туркестанского крестьянства переплеталась с более ранней, предшествовавшей ей формой — отработочной рентой. Многочисленные факты из истории Восточного Туркестана подтверждают это.

Это переплетение двух форм извлечения прибавочного продукта — обычное свойство феодальной формации, отмеченное в свое время Марксом,¹

¹ «Если рента продуктами представляет господствующую и наиболее развитую форму земельной ренты, она все же постоянно в большей или меньшей мере сопровождается остат-

нашло свое отражение в специфическом институте яньци наряду с другими явлениями.

Яньци, согласно одному из китайских источников XVIII в., прежде всего дворовые, холопы туркестанских беков, чиновников, работающие на последних, своим трудом содержащие их. Так, в «Описании Западного края», после перечисления всех установленных в Восточном Туркестане должностей беков и описания их функций, указывается, что каждый бек имеет дворовых-крестьян, которые носят наименование яньци:

«Все беки имеют холопов-туркестанцев (сяохуйцзы), являющихся их (беков) дворовыми-крепостными, вроде рабов, от 100 до 2—3 семейств, которые называются яньци».

Приводим китайский текст:

(слева направо)

凡伯克皆有小回子爲其家服役如奴僕。自百戶至二三戶不等謂之煙齊¹

В цитированном источнике мы не находим больше никаких указаний в отношении яньци, и этим, повидимому, объясняется тот факт, что русский синолог-монах Иакинф, полностью переведя указанное «Описание Западного края»,² выпустил упоминание о яньци.

Приведенная выдержка не проливает достаточного света на сущность яньци и их место в производственных отношениях Синьдзяна того времени. После долгих исканий мы находим ряд других указаний по этому вопросу. Так, в одном из императорских указов, в развитие приведенной справки, конкретно указывается, каким бекам и какое количество крестьян-яньци передастся для обработки земли беков. Указ этот издан вскоре после усмирения восстания в г. Уше (1765 г.) и установления там новой администрации. Приводим перевод указа, опуская места, не затрагивающие вопроса о яньци:

«В 33-м году правления императора Цянь Луна (1768) государственный совет (Цзюньдзичу), обсудив доклад, вынес решение: впредь разрешить 5-го ранга акимбеку³ города Уша передачу (крестьян)

ками предыдущей формы, т. е. ренты, которая доставляется непосредственно в виде труда, следовательно, барщинным трудом, и это одинаково, является ли земельным собственником частное лицо или государство» (К. Маркс, «Капитал», т. III, ч. II, ГИЗ, 1929, стр. 270.

¹ Сиюй вэньцзянь лу, 西域聞見錄. Описание Западного края, гл. 7, стр. 17.

² См. «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии». Переведено с китайского монахом Иакинфом. СПб., 1829, стр. 230.

³ Акимбек — глава местного чиновничества, бекства.

обрабатывающих землю яньци в количестве 20 семейств; казыбеку¹ 6-го ранга — 6 семейств; минбеку² и бачжигирбеку³ 7-го ранга — по 5 семейств каждому».

Приводим текст:

乾隆三十三年軍機處議覆奏定嗣後准給烏什之五品阿奇木伯克屯田洋起二十戶六品哈子伯克六戶七品明伯克巴濟格爾伯克各五戶⁴

Новым моментом в этом указе, уточняющим данные первого источника, является указание на характер работ, выполняемых яньци. Если в «Описании Западного края» яньци понимались как дворовые, выполняющие феодальные повинности (家服役) без конкретного указания на их роль в процессе производства, то здесь ясно сообщается, что назначение яньци — обрабатывать землю — 屯田.

Таким образом, на основании данных двух китайских источников, мы можем сделать предварительный вывод. Яньци или янци, как их называет второй источник, — это крестьяне, прикрепляемые к бекам в количестве, зависящем от чина того или иного бека (чиновника) и, повидимому, в зависимости от степени важности и значительности того или иного района, города и, следовательно, объема функций, выполняемых беками. Это крестьяне, находящиеся в личной зависимости от беков и являющиеся крепостными или рабами последних (беков).

Некоторое расхождение в приводимых данных наблюдается по линии наименования этих зависимых крестьян. Первый источник «Описание Западного края» называет их яньци (煙齊), второй — янци (洋起). Как то, так и другое обозначение представляют собой, безусловно, транскрипцию какого-то некитайского термина, что вынуждает нас обратиться к источникам некитайского происхождения с целью выяснения семантики термина яньци или янци. К этому вопросу мы вернемся после рассмотрения доступных нам китайских сочинений.

В третьем китайском источнике «Циньдин Синьцзян Шиле» — «Высочайше утвержденное описание Синьцзяна» — мы находим новые, более полные указания относительно яньци. В главе о земледельческих поселениях

¹ Казыбек — судья по уголовным делам.

² Минбек — тысячник — управляет 1000 туркестанцев в городах.

³ Бачжигирбек — налоговой инспектор.

⁴ Циньдин Хуйцзянцзэли, 欽定回疆則例, «Высочайше утвержденные установления о Туркестане (мусульманских границах)», кн. (бэнь) 3, стр. 27.

Илийского края, разделявшихся на собственно-военные, бинтунь (兵屯), мусульманские (туркестанские) хуйтунь (回屯) и частные хутунь (户屯), сообщается, что из принудительно переселенных из Восточного Туркестана в Илийский край 6383 семейств — после покорения Восточного Туркестана — 6060 семейств образовали мусульманские поселения (回屯) и платили государству натуральный оброк, а 323 семейства, занимаясь сельским хозяйством, содержали беков, в зависимости у которых находились, и рабочих железных рудников. Вот что говорит об этом китайский источник: «Вначале из Аксу отправили в Или 300 туркестанцев (回子), поселив в местности Хайнуке, на юге от реки Или, и обязали их обрабатывать землю. На следующий год назначили им бека, а затем непрерывно посылали туркестанцев из гг. Уша, Яркенда, Хотана, Хами и Турфана; к 33 году правления императора Цяньлуна (1768) всего находилось 6383 семейств (хозяйств, 户, ху). Из этого числа (6383 семейств) — за исключением 323 туркестанских семейств, так называемых яньци, которые, обрабатывая землю, содержали собираемым зерном больших и малых беков и 10 туркестанских семейств, добывавших железо, — 6000 с лишним семейств было предписано разделиться на поселения (тунь, 屯) и заниматься земледелием в Кульдже (Гулэчжа, 固勒札)».¹

В цитированном источнике в примечании мы находим объяснение значения термина яньци; китайский автор не ограничивается только сообщением фактических данных о яньци в Илийском крае, он отмечает, что «яньци — это туркестанцы (мусульмане), передаваемые для выполнения работ (феодалных повинностей, 服役) бекам, в соответствии с чинами последних».²

Таким образом, это понимание китайским автором термина яньци полностью совпадает — вплоть до передачи одними и теми же знаками, с объяснением, данным в первом источнике «Сиюйвэньцзяньлу» и подкрепляется в одном отношении — в отношении взаимозависимости количества передаваемых яньци и чина бека — вторым китайским источником «Циньдин хуйцзяньцзэли», который отражает практическое применение этого принципа прикрепления крестьян к бекам.

В третьем источнике «Циньдин Синьцзян Шиле», как мы видели, указывается что яньци — зависимые крестьяне, работающие на беков, своим трудом на земле содержащие этих беков. Далее, из приведенной

¹ Циньдин Синьцзян Шиле, 欽定新疆識略, гл. 6, стр. 1.

² Там же, 1 стр. Приводим китайский текст, поясняющий значение яньци, 彥齊者隨伯克品級給與服役之回子

цитаты выясняется, что яньци не входят в состав туркестанских поселений (хуйтунь, 回屯) в Или, созданных для культивирования земледелия и снабжения продуктами сельского хозяйства китайско-манчжурской армии в б. Чжунгарии. Следовательно, остается предположить, что яньци прикреплялись к бекам вместе с землей, — этот наш вывод подкрепляется, как будет видно ниже, другими китайскими источниками.

Параллельно мы должны отметить еще одно обстоятельство, вытекающее из приведенной цитаты. Оказывается, яньци являются не только зависимыми от беков крестьянами, но и государственными крепостными, которые продуктами своего труда содержат рабочих государственных железных рудников.

Мы указали, что передача бекам яньци осуществлялась одновременно с наделением чиновничества земельной собственностью. Эти «наделы» были неодинаковыми в зависимости от чина и должности и представляли собой компенсацию за службу беков, наряду с денежным вознаграждением. Чаще всего, однако, беки получали натуральную компенсацию — землю и крестьян-яньци. Натуральный характер вознаграждения беков вытекал из всей системы производственных отношений тогдашнего Туркестана — из феодального производства с его узостью рынка, застывшими натуральными формами хозяйства. В одном из китайских сочинений XVIII в., в «Хуйцзянчжи», дается следующее объяснение натуральной оплаты чиновников после приведения цифровых данных по городам Курля, Бугюр, Куча, Аксу и Ушу:

«В связи с тем, что в каждой городской местности (из перечисленных, Л. Д.) торговля была незначительной и деньги по большей части постепенно вышли из употребления, а земледелие считалось всеми источником существования, — главноуправляющий, сановник Шу, представил доклад, в котором просил передавать повсюду бекам в качестве жалованья (янянь) землю и вместе с тем, в соответствии с чином, прикреплять (передавать) туркестанцев (хуйцзы), занимающихся хлебопашеством, с тем чтобы последние содержали беков».¹

Цитированный источник, «Хуйцзянчжи», правда не указывает, что прикреплявшиеся к бекам крестьяне назывались яньци, но существо передаваемых фактов целиком совпадает с тем, что мы встречали в других источниках, где речь шла о яньци. Производственное назначение яньци, предназначенных для обработки земель чиновника-землевладельца, подтвер-

¹ Хуйцзянчжи, 回疆誌 Описание мусульманских границ (Туркестана), гл. 3, стр. 33.

ждается, как это видно из приведенной выше цитаты, также и «Хуйцзянчжи»; кроме того, в этом источнике мы имеем и другие доказательства этого: так, во многих местах отмечается взаимосвязь между землевладением и яньци, когда указывается, что к бекам, имевшим прежде земельную собственность, прикрепляли только крестьян.¹

В «Хуйцзянчжи» мы узнаем не только о принципиальных установках в отношении прикрепления крестьян к бекам-землевладельцам, но и встречаемся с конкретными данными, рисующими распределение крестьян среди различных слоев чиновничества. Не имея возможности из-за недостатка места приводить эти данные, занимающие в «Описании мусульманских границ» 20 двойных китайских страниц, ограничусь указанием, что максимальная цифра прикреплявшихся к бекам крестьян равнялась 100 душам, минимальная — 1—2 душам.

Земельная площадь, передававшаяся бекам, исчислялась не в лунных мерах, а в мерах объема, в батманах, т. е. измерялась количеством зерна, идущего на обсеменение единицы земельной площади, и составляла максимум — 200 батманов, минимум — 5 батманов на каждого чиновника. При переводе этих цифр на китайские меры² и при учете того, что на засев одного му земли требуется от $\frac{1}{2}$ до 2 доу зерна,³ выходит, что беки получали от 132.5 до 5.300 му земли.

По данным «Хуйцзянчжи», всего по Восточному Туркестану, без Илийской области, среди беков было распределено 3080 крестьян яньци.⁴

Таким образом в дополнение ко всему сообщенному о яньци — в «Хуйцзянчжи» мы находим подробное перечисление по всем городам Восточного Туркестана цифровых данных о прикреплении крестьян к бекам-помещикам.

Изложенный выше материал китайских источников позволяет нам сделать следующие выводы относительно социально-экономического содержания понятия яньци:

- 1) яньци — это зависимые крестьяне, прикрепленные к бекам, выполняющим определенные функции в государственном аппарате Синьцзяна;
- 2) количество яньци колеблется в зависимости от занимаемой должности и ранга чиновника (бека), к которому они (яньци) прикрепляются;

¹ Там же, стр. 35, 36, 39, 40—41, 42.

² 1 батман зерна приравнялся с 1760 г. к 5 даням, 3 доу. До 1760 г. к 4 даням, 5 доу китайским. См. Хуйцзянцзэли, гл. 3, стр. 1—2.

³ Такое количество зерна на посев отпускалось военным поселениям Чжунгарии и Восточного Туркестана. См. Хубуцзэли, 1831 г., гл. 94, стр. 54.

⁴ Хуйцзянчжи, гл. 3, стр. 25—42.

3) яньци, используемые в земельных владениях беков, являются для последних источником присвоения прибавочного продукта;

4) форма присвоения этого продукта, повидимому, отработочная рента — на это указывает термин — фуц, 服役, применяемый к яньци для обозначения их отношения к владельцу основного средства производства (земли) — землевладельцу; термин, означающий выполнение феодальных повинностей, феодальной барщины. Однако, использованные источники других, более определенных указаний для принятия изложенного вывода не дают;

5) яньци являются также государственными крепостными, работающими на земле, юридическим собственником которой являлось государство в лице Цинского дома. Прибавочный продукт этих государственных яньци шел на содержание государственных крепостных на рудниках;

6) в китайской литературе встречаются три различных обозначения института зависимых крестьян-яньци: а) 煙齊 яньци, б) 洋起 яньци и в) 彥齊 яньци.

Нам остается теперь выяснить значение термина яньци в том языке, из которого он заимствован китайскими источниками. Что термин этот не китайского происхождения — видно из различного написания его китайскими авторами, из непереводаемости примененных иероглифических биномов, из передачи всеми цитированными авторами одной и той же фонемы. Следовательно, мы устанавливаем, что термин яньци есть транскрипция не китайского, повидимому, тюркского слова. Для восстановления социально-исторического значения термина яньци надлежит обратиться к местным туркестанским (мусульманским) источникам. Насколько, однако, нам известно, в литературе, представляющей собой или переводы тюркских документов о Восточном Туркестане, или специальные исследования, посвященные Восточному Туркестану, такого термина — или близкого ему — не встречается. Единственно, что привлекает наше внимание для объяснения затронутого вопроса — это упоминание об институте инджу, встречающееся в истории монголов Рашид-ад-дина. Этому институту посвящена специальная статья покойного В. В. Бартольда, который, к сожалению, не смог дать окончательного ответа на вопрос о происхождении инджу, его точном значении (лексическом); точно так же был оставлен без ответа вопрос о социально-экономическом содержании института инджу, о его месте и роли в феодальных производственных отношениях того времени, к которому его относит Рашид-ад-дин, а вслед за ним и В. В. Бартольд.

Упоминание об институте ипджу относится ко времени царствования Газан-хана в Иране (начало XIV в.). Эта эпоха, как передает Рашид-ад-дин, характеризовалась разложением, коррупцией государственного аппарата, процветанием системы непомерных поборов, эксплуатации крестьянства со стороны правительственных чиновников — управляющих провинциями и сборщиков податей.

Насколько большие размеры приняла злоупотребления при сборе налогов, приводившие к обнищанию крестьянских масс и к оставлению ими на произвол судьбы сел и пашен, можно судить по следующим словам Газан-хана, переданным Рашид-ад-дином, в пересказе Д'Оссона:

«Как направить на добрый путь управляющих и сборщиков податей, которые усвоили привычку требовать с подданных больше, чем нужно, и ничего не передавать в казначейство; которые каждый год, будучи привлекаемы к ответственности, откупались? Мы должны принять меры, чтобы воспрепятствовать управляющим провинций использовать казенные, государственные деньги, — и лучше будет лишить их возможности облагать налогом».¹

В качестве меры борьбы с упомянутым злом, Газан хан предложил практиковать составление точных росписей (списков) всех общин, среди которых надлежало распределить налоги,² чтобы лишить сборщиков возможности скрыть объекты обложения.

Но кроме этих мер, принятых верховным правителем, в широких крестьянских массах стихийно вырабатывалось «оружие» борьбы с феодальной бюрократией. Это «оружие» впоследствии обратилось против крестьян же. Крестьянские массы, трудящиеся городских местностей стали искать защиты против поборов у членов царствующего дома, у удельных князей, отдавая себя под «покровительство» последних. Такой переход под зависимость от крупных феодалов освобождал непосредственного производителя от государственных налогов, но зато превращал его в крепостного. Эта зависимость от удельных князей и именовалась «инджу». Вот что говорит по этому поводу В. В. Бартольд, основываясь на Рашид-ад-дине:

«Переход в разряд таких удельных имений поэтому рассматривался как «покровительство», оказанное данному месту членом царствующего дома или вельможей».³ Принадлежность территорий к удельным имениям

¹ D'Ohsson. Histoire des Mongols, t. IV, p. 379.

² Там же, стр. 380.

³ Бартольд, В. В. Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче, стр. 27.

и личная зависимость отдельных людей (у D'Ohsson — en seravage) от членов царствующего дома одинаково обозначались термином инджу.¹

Таким образом мы видим, что термином инджу, по Бартольд, обозначались как феодальная зависимость (и сами зависимые), так и владения феодалов, приобретенные в результате оказанного «покровительства», т. е. домены, феоды. Об этом же сообщает и Рашид-ад-дин в приводившемся выше рассказе, где говорилось о составлении списка общин. Рашид-ад-дин указывает дальше, что Газан-хан предложил составить особую роспись имущества частных владений, монастырских пожалований и инджу.² Здесь инджу понимается как особый вид владений. Инджу находились в особом положении, доход с земель инджу не поступал в диван³ и тем самым жители инджу освобождались от податей в пользу государства, что, однако, не несло непосредственному производителю избавления от эксплуатации; прибавочный продукт присваивался удельным князем, крупным феодалом, доходы с земель инджу «шли на содержание двора самого государя и других представителей династии».⁴

К сожалению, наши сведения об инджу, почерпнутые из истории Рашид-ад-дина, весьма ограниченные. Они не позволяют вскрыть до деталей формы эксплуатации крестьян-инджу, формы ренты на землях инджу. Приведенные данные о том, что инджу не платили налог государству, не вскрывают еще сущности инджу, отношения крестьян-инджу к эксплуататорским классам, отношения тех и других к средствам производства, способа распределения последних и т. д.

Бартольд, которому была доступна рукопись Рашид-ад-дина в подлиннике, ничего не мог сказать по затронутым вопросам, об этом свидетельствуют следующие его слова:

«О юридическом положении территорий и лиц, причисленных к «инджу», мы не имеем точных сведений. В постановлениях Газан-хана, приведенных Рашид-ад-дином, земли «инджу» противопоставляются «землям дивана», и те и другие вместе отличаются от земельных участков, находившихся в частном владении».⁵ Нам кажется, что того немногого, сообщенного Рашид-ад-дином об инджу, достаточно для того, чтобы сделать вывод, что инджу является по существу институтом крепостничества, развившимся из инсти-

¹ Там же, стр. 27.

² D'Ohsson, там же, стр. 380.

³ Казначейство.

⁴ Бартольд, В. Там же, стр. 29.

⁵ Бартольд, В. Там же, стр. 28—29. Ср. D'Ohsson, t. IV, p. 417; Quatremère. Histoire des Mongols de la Perse... p. 13.

туда комендаций, который сам по себе, впрочем, представляет форму крепостных отношений, но более раннюю.

Несомненно, что развитие института инджу шло в направлении все большего закабаления непосредственных производителей, приписанных к землям инджу и, если вначале переход в состояние инджу был добровольным (условно добровольным, так как к этому принуждала экономическая необходимость или, лучше сказать, совокупность социально-экономических условий), то не исключена возможность, что впоследствии под инджу понимался институт зависимых крестьян, насильно прикреплявшихся вместе с землей к вотчинам того или иного феодала, будь это удельный князь или более или менее крупный чиновник-феодал. Такое понимание инджу нисколько не расходится с показаниями того же Рашид-ад-дина, у которого наряду с инджу встречается упоминание о так наз. собственном-инджу (хас-инджу).¹ Так, Рашид-ад-дин сообщает о выкупленных Газан-ханом монгольских пленных, которые все сделались его кебтеулами (гвардейцами) и собственными инджу.²

В другом месте, по словам Бартольда, Рашид-ад-дин рассказывает о том, «как для содержания каждой орды была определена область из собственного инджу».³

Таким образом, из приведенных выше свидетельств Рашид-ад-дина можно заключить, что инджу и хас инджу в дальнейшем своем развитии превратились в ярко выраженный институт крепостничества.

С другой стороны, необходимо отметить, что привилегии в отношении освобождения от государственных налогов, которыми пользовались крестьяне-инджу, впоследствии, повидимому, не имели силы.

Бартольд указывает на существование среди рукописных туркестанских фрагментов жалобы среднеазиатскому хану Туклук-Тимуру (1348—1362) со стороны садовников. В этом документе говорится о том, что

«... при всех прежних ханах, начиная с до-монгольской эпохи, при распределении калана с жалобщиков-садовников (или садовладельцев) — «инджу» — калана не вимали, а теперь, в тяжелые для них времена, требуют от них уплаты двойной дани».⁴

¹ Хас — арабское слово, означающее собственный.

² Бартольд, В. Там же, стр. 23.

³ Бартольд, В. Там же, стр. 28.

⁴ Бартольд, В. Там же, стр. 30. Ср. W. Radlof. Uigurische Sprachdenkmäler, № 22, стр. 26—32.

Следовательно, можно допустить, что некоторые особенности инджу в процессе развития этого института были утрачены; с другой стороны, вполне возможно, что развивались другие черты, которые придали этому институту в Восточном Туркестане иной вид, иную форму, не внося существенных изменений в содержание этого вида феодальных отношений, как отношений крепостных. И нам кажется, что описанный выше институт яньци или янци представляет собой не что иное, как инджу с рядом быть может изменений, что вполне понятно, ибо от эпохи Газан-хана до рассматриваемого периода нас отделяют около 500 лет.

В самом деле, если инджу представлял собой, как это было выше выяснено, институт зависимых от удельных князей крестьян, то термином яньци обозначаются зависимые от беков крестьяне. В первом случае, правда, непосредственный производитель «добровольно» становился инджу, но эта добровольность, во-первых, была условной, а во-вторых, под инджу понимались и выкупленные пленные,¹ т. е., повидимому, рабы или крепостные и прикреплявшиеся для содержания царского двора крестьяне; во втором случае (в XVIII в. — в Восточном Туркестане) яньци содержали беков и были от них зависимы, иначе говоря, сущность как инджу, так и яньци одна и та же. Этот наш вывод подтверждается и лингвистическим анализом термина инджу и сравнением его с яньци.

Прежде всего о происхождении термина инджу. Вот что говорит В. Бартольд об этимологии этого термина, о его чтении:

«Так, по всей вероятности, приносилось это слово (т. е. инджу) персами. Законы турецкой и монгольской фонетики требуют, конечно, иного произношения, но, насколько мне известно, до сих пор не установлено ни этимологическое происхождение этого слова, ни его истинное произношение».²

Оставляя в стороне вопрос о происхождении термина инджу, укажем, что в таком же чтении, как и у Рашид-ад-дина, это слово встречается в словаре Радлова, который указывает на его джагатайское происхождение. Вот, что мы находим у Радлова под словом инджу: «інцү (الینجو), Dsch. vergl. інжі = янчі».³

Таким образом, это слово в джагатайском языке читалось как инджу, а его фонетический эквивалент, повидимому, в одном из диалектов — янчі. Форма янчі ближе всего к китайскому яньци или янци. По словам Н. Н.

¹ См. об этом выше.

² Бартольд, В. Там же, стр. 27, примечание.

³ Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. I, 1455 стр.

Поппе, любезно помогшего нам разобраться в законах монгольской фонетики и транскрипции монгольских слов китайскими иероглифами и обратной транскрипции, слог «ән» обычно передается китайским эквивалентом «янь», напр. jenti², ende, ände передается через 延迭 яньде. Что же касается китайского звука «ци» и монгольско-джагатайского «чи», то в тождественности их не может быть никакого сомнения.

На этом основании, яньци или янци мы решаемся приравнивать к монгольско-джагатайскому änci = инцү (инджу).

Точно так же близки эти понятия — яньци и инджу — по своей семантике. Вот что, напр., приводит Радлов в отмеченном словаре под словом инцү = änci:

«1. Царское поместье	Die fürstliche Domaine.
2. Служитель, всякий добровольно вступающий в услужение к беку на его содержание.	Ein Diener, jeder, der freiwillig in Dienst eines Beg's tritt und fon ihm unterhalten wird.» ¹

Первое значение полностью совпадает с содержанием понятия инджу в эпоху Газан-хана. Второе — говорит о добровольной службе у беков; выше мы отмечали, как могло деформироваться понятие добровольности, не говоря уже о том, что употребление слова «добровольно» без кавычек является, по меньшей мере, забвением всех историко-экономических условий того времени, когда складывалось это понятие.

Применение термина яньци в Восточном Туркестане в XVIII в., как уже было выяснено, тоже связано с несением службы у беков, причем под службой надо понимать нечто более определенное, чем у Радлова, а именно — выполнение феодальных повинностей и, в основном, конечно, обработку земли бека.

Китайские источники передают это понятие (повинности, барщина) знаками 服役, фуи, соединяя его (понятие) — почти у всех перечисленных авторов — с занятием земледелием. Таким образом получается, что не беки содержат слуг, а слуги беков своим трудом или, если это выразить языком политической экономии, что прибавочный труд непосредственного производителя присваивается собственником условий труда — средств производства, главным образом — земли, так как с.-х. орудия могли находиться в личной собственности непосредственного производителя-крестьянина, даже

¹ Радлов, там же, т. I, стр. 1455.

крепостного. Это не совсем по Радлову, но зато в полном соответствии с исторической действительностью.

Наш окончательный вывод: яньци и инджу понятия идентичные, и то и другое представляли собой институт крепостничества, основанный на личной зависимости непосредственного производителя от собственника условий производства, от собственника земли. Присвоение прибавочного продукта осуществлялось внеэкономическим путем — насильственным прикреплением крестьянина к земле и принуждением работать на землевладельца-феодала. Формы этого внеэкономического принуждения могли быть различными.¹ Яньци или инджу и являлись одной из таких форм на Востоке, именно в Восточном Туркестане.

В заключение считаем необходимым дать краткую характеристику использованных в данной работе китайских источников.

1. «Сиюйвэньцзявлу», 西域聞見錄 «Описание Западного края» (более точно: «Описание виденного и слышанного о Западном крае»), 2 бэни (книжки), составлено манчжурским чиновником Ци ШиИ (七十一), по прозвищу Чуньюань 春園, в течение долгого времени служившим в Восточном Туркестане. Предисловие автора датировано 19 днем 12-й луны 42-го года правления императора Цяньлуна (1777).

Этот источник интересен тем, что, наряду с историческими сведениями и географическо-статистическим описанием городов собственно Восточного Туркестана и б. Чжунгарии, приводит ряд деталей из быта туркестанцев и эксплуататорской практики китайско-манчжурского и местного чиновничества. Сообщаемые источником факты из социально-экономической жизни Восточного Туркестана согласуются с данными других источников, что, с одной стороны, придает ему (источнику) неопровержимую ценность, и с другой — выделяет его из ряда официальных описаний Сяньцзяна, благодаря его более широкому диапазону, не стесненному требованиями, предъявляемыми к официальным изданиям. «Описание Западного края»

1. . . . «способы получения прибавочного продукта при барщинном и при капиталистическом хозяйствах диаметрально противоположны друг другу: первый основан на наделении и производителе земель, второй на освобождении производителя от земли. . . .»

« . . . условием такой системы хозяйства (речь идет о крепостном, барщинном хозяйстве. Л. Д.) является личная зависимость крестьянина от помещика. Если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство.

Необходимо, следовательно, «внеэкономическое принуждение». . . . Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина» (Ленин, Собр. соч. 2-е изд., т. III, стр. 140. Подчеркнуто мной Л. Д.).

переведено на русский язык монахом Иакинфом и составляет 2-ю часть его книги под названием «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии». СПб., 1829.

2. «Циньдин Хуйцзян цзэли» 欽定回疆則例 «Высочайше утвержденные установления о Туркестане», составлены в 19 г. правления императора Цзяцина (1814), 4 бэни (книжки). Собраны самые разнообразные законы и постановления, касающиеся Восточного Туркестана, начиная с момента окончательного усмирения его (1759/60).

3. «Циньдин Синьцзяншиле», 欽定新疆識畧, «Высочайше утвержденное описание Синьцзяна».

Составлено известным чиновником монгольского происхождения Сун цзюнем совместно с коллегией из 45 ученых.

Издано, повидимому, в 1821—1822 гг. Предисловие, написанное императором, датировано 1821 г., 12 глав (цзюаней), 2 больших тома. Главным образом, географическо-статистическое описание б. Чжунгарии и Восточного Туркестана. Центр тяжести — в описании Илийского края, военно-пахотных поселений и военно-бюрократической системы управления.

4. «Хуйцзянчжи» 回疆誌 «Описание мусульманских границ» (Восточного Туркестана). Рукопись написана в 1772 г. (дата составления предисловия). Автор Суэрдэ, 蘇爾德, манчжурский чиновник, служивший в Кашгаре с 1769 г. Автор в предисловии сообщает, что составленное им «Описание» базируется на сочинении с тождественным названием, принадлежащем Юнгуну (был правителем Кашгара — по Сиюй вэньцзяньлу), но содержит ряд новых данных.

«Хуйцзянчжи» представляет собой географическое, статистическое и этнографическое описание собственно Восточного Туркестана с краткими сведениями о народах, обитающих за пределами Синьцзяна, 4 книги (бэни).